

СВОЕБЫШНАЯ

Вятское детство

летчика-испытателя реактивных самолетов

Ольги Николаевны Ямщиковой

(Глава из книги Н.Ф. Кравцовой «За облаками солнце» М., 1982. С.5-55.)

В один из пасмурных летних дней Мария Павловна, идя по мосту через речку Вятку, оступилась и упала, скатившись по скользкому склону. На следующий день, за несколько недель до положенного срока, у нее родилась девочка.

Ребенок был слабеньким, и, опасаясь за жизнь девочки, перепуганная Мария Павловна вызвала к себе мать, Серафиму Александровну, которая быстро приехала в Вятку. Взглянув на девочку, бабушка новорожденной ахнула:

— Господи, да у нее ни глаз, ни ногтей!

— Мама, это я... упала.

Мария Павловна тихо плакала, чувствуя себя виноватой, и все смотрела на ребенка: глаза у девочки не открывались, ногтей не было, и весила она всего два с половиной фунта.

— Ну не плачь, не плачь, Маша. Бывает. А назвали как?

— Ольгой.

Добрая и заботливая Серафима Александровна, хлопоча вокруг крошечной Оли, старалась успокоить дочь:

— Ничего, Маша, ты не тужи. Бог даст — обойдется. Выходим ее, все при ней будет.

И она принялась выхаживать ребенка, держа его в тепле, обкладывая бутылками с нагретой водой. Мария Павловна полностью доверилась матери.

Отец маленькой Оли, возвращаясь домой вечером, с тревогой спрашивал:

— Ну как она?

— Ничего, ничего, Коля. Кажется, неплохо,— отвечала Мария Павловна, стараясь не волновать мужа.

Николай Ермолаевич Ямщиков, заканчивая Вятское сельскохозяйственное коммерческое училище, одновременно был занят научной работой по льноводству, которой придавал большое значение, ожидая от нее полезных результатов на практике. Увлеченный своими делами, он был постоянно занят, подолгу засиживался в библиотеке и домой возвращался поздно. Мария Павловна принимала это как должное и в свою очередь, хотя и была замужем, шла по жизни своей дорогой — училась в Петербурге на Бестужевских курсах. В Вятку приезжала лишь ненадолго. Иногда они не виделись продолжительное время, скучали друг без друга, но изменить положение не собирались.

Проходили недели, благодаря стараниям Серафимы Александровны девочка прибавляла в весе, и вскоре ее уже нельзя было узнать: она улыбалась, тянулась к ярким предметам, хватала игрушки. Мария Павловна успокоилась, повеселела и стала подумывать о возвращении к занятиям на Высших женских курсах. Спустя несколько месяцев она, переговорив с матерью и мужем, которые ни в чем ей не перечили, отправилась в Петербург. Уезжала она с легким сердцем, зная, что Оля в надежных руках. И хотя грустно было расставаться с дочкой и оставлять мужа одного в Вятке, это не очень волновало Марию Павловну. Для нее важнее было другое — получить

высшее образование, вступить на самостоятельный путь в жизни и работать, работать.

Девочку она временно передала на попечение своих родителей, которые с радостью приняли внучку. Серафима Александровна и Павел Антонович жили в Холуницах, под Вяткой, где выросла и сама Мария Павловна.

Павел Антонович многие годы работал мастером-литейщиком на металлургическом заводе. Унаследовав эту редкую профессию от своего отца, он знал секрет литья, и поэтому на заводе ему цены не было. Когда, случалось, он запивал и не являлся на завод, хозяин сам приходил к нему домой и упрашивал выйти в цех — без него цех простаивал.

— Павел Антонович, ждем вас! Постарайтесь уж как-нибудь. Без вас никак не обойтись — брак пойдет.

Прилично зарабатывая, Павел Антонович был в состоянии дать единственной дочери образование. Русоволосая, светлоглазая Маша, тоненькая и хрупкая, с нежным одухотворенным лицом, внешне была похожа на отца. Девушка прекрасно училась, много читала и стремилась найти в жизни свое призвание. Мечтательная и несколько экзальтированная, она любила поэзию, увлеченно декламировала стихи, помышляла о сцене. Но в конце концов уехала в Петербург, чтобы получить высшее образование и стать учительницей, считая, что на этом поприще принесет людям больше пользы.

Серафима Александровна, женщина простая, домовитая и ласковая, всячески оберегала свою Машу от житейских трудностей, боготворила ее и не сумела привить дочери любви к домашнему хозяйству, семейному уюту, которые так любила сама. Выйдя замуж, Маша продолжала учиться, и даже появление ребенка этому не помешало.

Маленькая Оля, оставшаяся на руках бабушки и дедушки, росла живым, смышленным ребенком. Серафима Александровна полюбила внучку так, как любят единственное дитя. Сама она вышла замуж очень рано и в молодости не сумела сберечь своих детей: один сын утонул в семилетнем возрасте, другой, совсем маленький, задохнулся, опрокинув на себя квашонку. Вырастила она только Машу, которую горячо любила, но не совсем понимала.

С дедом Оля подружилась, отдавая ему предпочтение, хотя Серафима Александровна уделяла внучке больше внимания. Картинки раннего детства запомнились девочке на всю жизнь.

...Вот сидят они вдвоем с дедом в светлой просторной комнате за обеденным столом. Оля аккуратно причесана, в накрахмаленном белом фартучке. В руках — карманные часы с цепочкой. Хитро поглядывая на деда, она подносит часы к уху и улыбается: тикают! А он смотрит на нее прищуренными добрыми глазами и кормит с ложечки...

...Кругом белым-бело. Ветви деревьев клонятся к земле под тяжестью снега. Дедушка крепко держит маленькую Олю за руку. Смеясь, она вырывается, бежит вперед и вдруг проваливается в сугроб, зарывшись носом в белое, пушистое, мокрое...

...Бабушка, поставив Олю на подоконник, примеряет ей платице. Голубое, пышное. Ловко пришивая кружева, вертит ее, любит, ласково приговаривает:

— Ты у меня голубенькая, ладненькая, красивая. Будешь как куколка...

Серафима Александровна любила наряжать девочку, шила ей платица с оборочками и кружевами, шапочки с лентами. Да и сама наряжалась как только могла — это была ее слабость. Когда появилась на свет внучка, Серафиме Александровне было всего тридцать шесть лет. Румяная, красивая, она ходила в дорогих платьях, носила яркие шали, которые очень шли к ее черным глазам и темным вьющимся волосам. Спокойная, покладистая, она никогда не раздражалась, к мужу относилась с уваже-

нием и заботой. Если он вдруг пропадал и не являлся домой, терпеливо ждала его возвращения.

— У него запо-ой,— нараспев объясняла, когда о нем спрашивали.

Домой дед Павел возвращался грязный, виноватый и несчастный. Она не требовала от него объяснений, не ругала, не упрекала, а заботливо обмывала, кормила и лечила, делая разные припарки. И никогда не было между ними разлада или ссоры.

Однажды летом в Холуницы пришли цыгане, раскинули табор. Разодетые в цветные платки, в длинных юбках, в сверкающих монистах плясали цыганки, собирали деньги. Трехлетняя Оля смело пошла к цыганам и заявила:

— А я тоже хочу плясать!

Они подхватили девочку, и Оля закружилась вместе с ними под свист и веселые крики. Нарядную, улыбающуюся, ее передавали из рук в руки словно красивую куклу.

К большому огорчению девочки прибежала бабушка и унесла ее домой. А на следующее утро вдруг обнаружилось, что Оля исчезла. Не было и цыган, которые с рассветом ушли в неизвестном направлении. Предполагали, что кто-то из цыган выкрал девочку через окно.

Дед Павел Антонович с горя запил и от такого удара даже слег. Серафима Александровна металась в поисках пропавшей внучки, но никаких следов цыган найти не удавалось. О случившемся сообщили отцу в Вятку, и он сразу же приехал со своим другом Хаустовым, с которым когда-то учился на одном курсе. Хаустов, типичный цыган, смуглый, черноглазый, порывистый, сверкнув белозубой улыбкой, пообещал:

— Ждите и не тревожьтесь — скоро привезу!

Он быстро разыскал табор и договорился с цыганами, что те отдадут девочку. Но забрать ее оказалось делом не простым. Олю он нашел в кибитке на руках у молодой женщины. Девочка забавлялась блестящими серьгами и монистами и была вполне довольна своей судьбой, а цыганка, у которой, как выяснилось, недавно умер ребенок, целовала и ласкала ее. Увидев Хаустова, цыганка сразу поняла, зачем он явился, судорожно прижала Олю к себе и, плача, закричала:

— Нет, нет — не отдам! Нет!

Пришлось отнимать девочку силой, потому что никакие уговоры не действовали.

Время от времени в Холуницы приезжала Мария Павловна, иногда вместе с мужем. С радостью отмечала, что Лелька, как называла она дочь, жизнерадостна, веселая, слабым здоровьем не страдает. И все же это не вполне удовлетворяло Марию Павловну, которой хотелось, чтобы ее Лелька проявляла к ней больше любви. Каждый раз, встречаясь с дочкой, она с тревогой спрашивала, заглядывая в светлые детские глаза:

— Ты не забыла меня, девочка моя?

— Нет, ты — моя мама! — бойко отвечала Оля. — Только я с тобой не поеду!

— Но отчего же? — огорчалась Мария Павловна.

— Оставь, Маша, — тихо, но твердо подсказывал Николай Ермолаевич.

— Да, да... Это я не подумав.

Свои приезды к дочери Мария Павловна старалась использовать, чтобы воспитывать ее. Николай Ермолаевич относился к этому скептически, тяготился вынужденным бездельем и, несмотря на любовь к ребенку, спешил уехать из Холуниц, чтобы заняться делом.

Оля подрастала, и Мария Павловна, окончив Высшие курсы, уже подумывала забрать ее к себе. Но прошел еще год, а девочка все оставалась в Холуницах — Серафима Александровна и Павел Антонович не спешили расставаться с внучкой. Да и

сама Мария Павловна теперь решила подождать: после революции, которую она приняла с восторгом, наступило тяжелое время, когда в стране все бродило, когда молодой Советской республике приходилось не только бороться с контрреволюцией, но и отражать натиск интервентов. В такое время надежнее было оставить девочку в Холуницах, где о ней заботились, чем везти в глухую деревню, где уже начала работать учительницей Мария Павловна. К тому же с рождением второй дочери забот у Марии Павловны прибавилось, и жизнь стала еще сложнее.

Внезапно от сердечного приступа умер дед Павел Антонович. Полная сил и еще молодая, чтобы оставаться одной, Серафима Александровна погоревала и, подумав, решила пойти замуж за вдовца с большой семьей, который сделал ей предложение.

Мария Павловна приехала в Холуницы за Олей.

— Поедем, Лелька! Ты уже большая, будешь сестренку нянчить.

— Мою? — недоверчиво спросила Оля.

— Твою. Ей скоро год, и зовут ее Иринка. Мне очень нужна твоя помощь. Поедешь?

— Поеду,— серьезно, как взрослая, ответила Оля.

В Шурме, под Уржумом, Мария Павловна жила с детьми одна. Иногда приезжал из Вятки Николай Ермолаевич, который теперь стал известным агрономом-льноводом. Человек талантливый и одержимый, он продолжал заниматься научной работой, с головой уйдя в любимое дело.

Избушка, в которой снимала комнату Мария Павловна, стояла на берегу реки Вятки, на пригорке. Здесь была окраина Шурмы. Когда Мария Павловна уходила на работу, в доме, кроме детей, оставалась глуховатая старуха хозяйка, которая едва успевала справляться с хозяйством и почти не присматривала за детьми.

Шла гражданская война, жить было трудно, голодно. С наступлением зимы голод усилился. Люди рылись в огородах, выкапывали из земли мерзлую картошку, остатки овощей, чтобы хоть как-нибудь прокормиться. Пятилетняя Оля заботилась о своей младшей сестренке: выстаивала в очередях за похлебкой, которую в эти голодные годы выдавали детям. Всю похлебку выпивала маленькая Иринка, самой же Оле ничего не доставалось, и она постоянно хотела есть.

Несмотря на трудности и голод, Мария Павловна была полна радужных надежд. Не раз говорила она Оле: «Если бы ты знала, Лелька, какая прекрасная жизнь тебя ждет! Революция открыла народу светлый путь в грядущее. Ты, девочка, будешь счастливой!»

Мария Павловна преподавала в вечерней школе, была поглощена общественной работой, принимала самое активное участие в ликвидации безграмотности населения. Домой возвращалась поздно. Несколько километров шла одна по безлюдной дороге, в темноте, и все оглядывалась: из лесу доносился волчий вой.

Чтобы отпугивать волков, брала с собой фонарь. Уже в конце пути, недалеко от дома, переходила замерзшую реку и поднималась по тропинке на пригорок. В эти последние минуты как-то особенно одолевали тревожные мысли о детях. Ускоряя шаг, запыхавшись, она почти бежала к дому. Дрожащей рукой торопливо отпирала дверь и заглядывала в комнату: все ли благополучно с девочками...

Наступила весна, кое-где лед подтаял, образовались полыньи — переходить реку стало опасно. Но другой дороги не было, а ждать, когда Вятка очистится ото льда и начнется паромная переправа, можно было долго. И Мария Павловна продолжала перебираться по льду, понимая, как это рискованно.

— Ты, Леля, жди меня на крылечке, — попросила она однажды. — Держи в руке фо-

нарь. Увидишь, что я иду с фонарем, и ты мне фонариком махни. Поняла?

— Поняла, — ответила смышленая Оля.

— Не боишься?

— Нет. Я, мам, всегда буду тебя встречать!

Как-то раз, ожидая мать на крыльце, Оля увидела движущийся в темноте фонарик и вскоре после этого услышала мамин крик откуда-то с реки:

— Леля! Леля! Скорей сюда-а!

Размахивая фонарем, девочка побежала по тропинке вниз. Очутившись на льду, пошла на свет, нервно метавшийся в темноте. Мать, провалившись в полынью, с трудом держалась на воде, хватаясь за кромку льда, ломавшегося в ее руках.

— Мам! как же ты!..

— Слушай, Лелька, внимательно... Не подходи, а то провалишься! Беги за шестом... Там, под навесом, стоит — такой длинный шест... Беги, принеси!..

Голос у Марии Павловны прерывался, зубы стучали. Оля стремглав бросилась к дому и вскоре возвратилась с шестом.

— На, мама!

— Ближе не подходи, а подай один конец... Положи шест! — говорила Мария Павловна, стараясь быть спокойной. — Подвинь ко мне...

Выбравшись из полыни, вся мокрая и насквозь промерзшая, она пришла домой и упала без чувств на пороге. Старуха хозяйка вместе с Лелькой с трудом втащили ее в комнату и сразу принялись растирать.

На другой день Мария Павловна благодарила Олю:

— Спасибо тебе, Лелька! Если бы не ты... Кто бы мне помог?

И долго еще с гордостью рассказывала знакомым:

— Я бы ни за что сама не выбралась — это дочь спасла меня. Моя Лелька.

Лельке было приятно слышать это, она сразу почувствовала себя повзрослевшей и очень нужной.

Мария Павловна была довольна Лелькой, которая росла самостоятельной девочкой, ничего не боялась, помогала по хозяйству, заботилась о сестренке. И все же в сердце жила постоянная тревога: разве можно положиться во всем на шестилетнего ребенка? Однажды, играя с Иринкой, Лелька придавила ей дверью палец. В другой раз у речки, где гуляли девочки, бык поднял на рога Иринку и бросил на землю... Мучило и то, что дети все время недоедали.

Приближалось лето. По-прежнему голодно было жить в глухой Шурме. По совету мужа Мария Павловна решила отвезти девочек в деревню к его родителям, у которых был свой дом, огород, сад. Очень не хотелось расставаться с детьми, но ничего другого придумать она не могла. Николай Ермолаевич успокаивал ее:

— Старики у меня добрые — и накормят, и присмотрят за ними. Не волнуйся, Маша, детям будет хорошо. А то бегают здесь одни, голодные...

— Да, конечно, — отвечала машинально Мария Павловна.

К родителям мужа она не ездила — не было у нее с ними взаимопонимания. Мария Павловна хотела по-своему воспитывать дочь, прививала ей качества, которые считала необходимыми для жизни в новом обществе. И теперь, отдавая свою Лельку в семью, где саму Марию Павловну не очень любили и не понимали, она опасалась, что вместо высоких стремлений в душе дочери поселятся приземленность и обыденность.

У деда Ермолая Николаевича и его жены Ольги Федоровны было семеро детей. Все они, способные, инициативные люди, тянулись к знаниям и, получая образование, один

за другим выходили из крестьян в интеллигенцию. В деревне осталась жить только одна дочь. Другая, окончив Московскую консерваторию, стала профессиональной певицей, третья учительницей. Из четырех сыновей один погиб во время первой империалистической войны, второй, отец Оли, стал агрономом, крупным специалистом, третий бухгалтером и четвертый, самый младший, учился в Горном институте, чтобы получить специальность инженера.

Сам дед Ермолай был плотогоном, гонял плоты по рекам Вятке, Каме и Волге, гнул сани. Отпускать детей в город ему не хотелось, но и воспрепятствовать этому он не мог, да и Ольга Федоровна, женщина мудрая и твердого характера, не позволяла ему становиться на пути у детей, удерживать их в деревне. Деда она поругивала, хотя и понимала его, любившего деревню, хозяйство и свое дело.

— Аспид ты! Ну чего все поедом ешь Михаила? Пускай учится — человеком станет!

— А тут кто останется? Кому дом оставлять? Последний сын — и тот уйдет! Все убегли! — кипятился дед.

— Что ж ему — сани гнуть? Ему по душе, железки всякие да колесики. А вместо саней, сказал Миша, будут скоро эти... автомобили!

Махнув рукой, расстроенный дед уходил прочь, но перечить жене не решался. А на сердце лежала обида — город уводил сыновей одного за другим. Наведывался в деревню только младший, Михаил, студент Ленинградского горного института. Любил он технику, автомобили. Приезжая на каникулы домой, много и увлеченно говорил о машинах, возился с моторчиками, постоянно изобретал что-то, даже собрал жнейку, которой пользовались всей артелью.

В начале лета Мария Павловна привезла девочек к деду Ермолаю и вскоре уехала: здесь, у родителей мужа, ее считали чужой. Шестилетняя Лелька, шустрая, общительная и ласковая, быстро завоевала расположение и любовь деда и бабки. Деревенские ребята с радостью приняли ее в свою компанию, и Лелька, освоившись, стала ими верховодить. У самой деревни за огородами текла речка Ключевка. Узенькая, с берегами, заросшими ивняком, с чистой прозрачной водой, она была излюбленным местом гулянья детворы. Вместе с сельскими ребятами Лелька шла к верховью речки и потом проплывала всю речку до запруды, где мужики замачивали полозья для саней. Ей все было интересно: над головой сплетались ивы, образуя зеленый потолок, и казалось, что плывешь по длинному-предлинному коридору. Нырнув в прозрачную воду, Лелька долго плыла с открытыми глазами, рассматривая каждый камешек, каждое растение на дне. В запруде скакали по пояс в воде, ныряли под полозья, играли в шумные игры, пока мужики не прогоняли расшалившихся ребят. Тогда они бежали к пристани, в соседнее Цепочкино, и с высокого помоста прыгали в воду. Напрыгавшись до изнеможения, Лелька бросалась на песок и, отдохнув, снова звала ребят:

— А давайте переплывем Вятку — там, в лесу, ягоды какие-е!

С дедом Ермолаем Лелька подружилась. Ходила за ним следом, все просила взять с собой в путешествие на плотках. Каждый раз, когда он собирался в дорогу, начинала приставать:

— Деда, и я с тобой! Ну возьми меня!

— Так уж — возьми! Свалишься с плота — бабка мне голову оторвет! — ворчал дед, но в душе был рад, что внучке хочется быть с ним.

— Не свалюсь! Я плавать умею — всех обгоняю!

С довольным видом он молча качал головой: ишь, какая шустрая.

Был дед еще румян, на круглом лице светились ясные зеленые глаза. Крепкий, жилистый, с русой бородкой и усами, уже начавшими седеть, он пользовался уважением в деревне, хотя многие считали его чудаковатым. Когда мужики работали артелью в запруде или вязали из бревен плоты, он всегда ими командовал и его слушались. Команды он подавал в «трубу» — самодельный рупор, который сам же и смастерил. Ему нравилось слышать свой голос, усиленный рупором и похожий на громовые раскаты. Брал он свою «трубу» и на сенокос, где тоже работали артелью, и уж непременно — в поездку на плотях.

Когда настойчивая Лелька уговорила, наконец, деда, он, перед тем как отправиться в путь, целый вечер что-то кроил, шил. Закончив, разложил на полу спальный мешок.

— Влезай! — сказал он Лельке.

— Это ты мне, деда? — обрадовалась Лелька, нырнув в мешок.

— Да, вот еще пояс примерь!

К широкому полотняному поясу была крепко пришита веревка. На такой привязи на следующий день Лелька барахталась в воде, плавала, ныряла под плоты, и дед не боялся, что потеряет ее.

Как всегда, дед Ермолай распоряжался плотогонами, кричал в «трубу». И Лелька тоже кричала — звонкий ее голос и смех неслись над рекой.

Ночью спали прямо на плотях, в шалашах, сооруженных сверху. Лелька — в теплом дедовском мешке.

— Не замерзла? — спрашивал дед спящую девочку и заботливо набрасывал на нее свой плащ.

Обычно дед Ермолай носил коричневый самотканый армяк, ситцевую рубаху-косоворотку, кожаный пояс, на ногах — лапти с онучами. На плоты же брал плащ с капюшоном и подаренные Михаилом резиновые сапоги. Сапоги были куплены в Питере, и дед очень гордился ими.

Все дальше от родных мест уносило течением плоты, мимо пристаней, сел и городов. Берега были знакомые, много раз перевиденные дедом, и все же чужие. Однажды ночью из леса донеслась перестрелка — дед прислушался. Он знал: время смутное, поговаривали, что к Вятке идет большое войско во главе с Колчаком и скоро ожидаются бои. На всякий случай он учил Лельку:

— Ежели со мной что случится, домой сама добирайся! Где дом наш, знаешь? Запомни: село Цепочкино, под Уржумом. Ну, а от пристани до Дюково тебе знакомо. Повтори!

— Знаю, деда!

— Нет, ты повтори! — требовал дед.

— Деревня Дюково Уржумского уезда! — кричала Лелька и прыгала от деда в воду.

Закончив с плотями, дед Ермолай непременно заходил в городе на базар. Первым делом шел к лоткам с книгами и долго рылся, выбирая себе книгу по вкусу: чтоб она была про животных и с картинками. Лелька активно помогала:

— Вот эту, деда! Видишь — тут суслики!

— Не суслики, а бобры, — поправлял дед. — Жизнь у них преинтересная! Строители! Заплатив за книгу, он покупал Лельке конфет и уже тогда изрядно выпивал.

Домой ехали пароходом. Весь обратный путь дед беспробудно спал, а Лелька свободно бегала по палубе, обследуя все уголки, куда только могла проникнуть.

Пароход привозил их к пристани у села Цепочкино, которое живописно раскинулось на правом берегу Вятки. Отсюда до Дюково было всего полтора километра.

Дома деду доставалось от Ольги Федоровны.

— Да не выпимши — богу душу отдашь! — оправдывался он.

Книги, купленные дедом, аккуратно складывались на полке. Часто он брал какую-нибудь и с интересом читал сам или же собирал вокруг себя ребятишек и рассказывал им прочитанное: о животных, о пчелах, о муравьях. Любимой его книгой была толстая, с цветными картинками книга о жизни слонов.

Рядом с книгами деда лежала Библия, принадлежавшая Ольге Федоровне. Бабка была набожная, ходила в церковь, принимала в доме странниц. Дед же в церковь не ходил, как ни корила его жена. Обычно, пользуясь ее отсутствием, устраивал себе пир — вместо обеда готовил «тюрю»: в водку крошил черный хлеб, добавлял луку, соли и хлебал ложкой из тарелки.

Ольга Федоровна, невысокая, крепкая, расторопная, тянула на себе весь дом. И дед, и семья дочери, Лелькиной тетки, которая жила по соседству, — все слушались ее. Лелька никогда не видела, чтобы бабка спала: уже в пять часов утра хлеб был испечен, все кругом убрано, вымыто, корова и лошади накормлены. Даже, казалось бы, отдыхая, бабка трудилась: что-то шила, порола, вязала.

Жили старики дружно, хотя и случались между ними разногласия. Ольга Федоровна, любившая слушать «божественные» истории, просила:

— Почитай, Ермолай, Библию...

Жалея, что неграмотная, она любовно гладила книги, перекладывала, перелистывала.

— Это такое счастье — читать! — вздыхала она. — Почитай Библию!

Дед, не веривший в бога и презиравший попов, упорствовал:

— Не стану Библию! Ерунда все это! Откуда он взялся, твой бог? Кто его придумал?

— Да перекрестись ты! — ахала Ольга Федоровна. — Перекрестись!

— Выгнать бы их, попов твоих, обирал! — горячился дед. — Лелька! Читай про слонов!

И Лелька, которую мать рано научила читать, брала с полки толстую книжку с цветными иллюстрациями. Но бабушку ей не хотелось обижать, и она пыталась уговорить ее:

— Она же интересная, бабушка! С картинками! Вот смотри, какие умные слоны...

От деда перешла к Лельке любовь ко всему живому, к природе, которую он тонко чувствовал. Случалось, в поле или в саду дед вдруг подзывал Лельку с таинственным видом и говорил проникновенно:

— Вот послушай... Поет как, слышишь? А сама такая махонькая пичужка!

Или, наклонив ветку цветущего дерева, восхищался:

— Посмотри, какой цвет! А запах! Попробуй, какой запах!

При этом его зеленые глаза излучали какой-то особенный свет, теплоту, и Лельке казалось, что действительно такого запаха она уже никогда в жизни не почувствует или, как говорил дед, «не попробует».

Дед часто устраивал баню. И Лельку обязательно парили в бане, а зимой дед выбрасывал ее из парилки прямо в снег — закаливал. Ольга Федоровна приходила в ужас:

— В уме ли ты, Ермолай? Простудишь ее, аспид ты упрямый!

Но Лельке нравилось — ничуть не холодно.

— Ты, бабушка, не понимаешь — так нужно! Я не простужусь! — весело кричала она.— Не простужусь!

— Ах ты, своебышная! Не девка, а черт растет!

Однажды Лельке на глаза попались журналы, оставленные когда-то дядей Мишей. В них были одни чертежи, рисунков мало, но один из них заинтересовал Лельку. Она долго его рассматривала: маленький человечек, держась за веревки, висел в воздухе, а над ним — зонтик... Парашют! И вспомнила Лелька, как увлеченно рассказывал дядя Миша о полетах людей по воздуху, об аэропланах и о том, что можно прыгнуть с таким парашютом-зонтиком из аэроплана, и он опустит человека на землю. Значит, это простой зонтик!.. Такой же, как в сарае,— его оставила тетка, приезжавшая из Уржума. Он хоть и старенький, но еще действует.

В тот же день Лелька, подговорив двух соседских мальчишек, устроила прыжки с крыши сарая. Раскрыв зонтик, она первая храбро прыгнула вниз, в траву — и закричала от боли, наступив босой ногой на кусок острого железа...

Ольга Федоровна перевязала ей ногу, а дед, рассердившись, запер «парашютистку» в чулан.

— Сиди! Придумала... Давно бы тебя наказать надо! Больно шустрая!

Сидеть в темном чулане одной не хотелось, и сначала, прижавшись к двери, Лелька униженно просила:

— Деда, открой! Я больше не буду... Отопри! Бабуш-ка-а!

Не получая ответа, в конце концов успокоилась, сознавая, что должна отбыть наказание. Обнаружила, что в чулане не так уж темно. На улице светило солнце, узкими лучиками пробивалось внутрь сквозь щели. В лучиках медленно плавали светлые пылинки. Лелька дунула — пылинки завертелись вихрем.

Осмотревшись, Лелька села на сундук. Выглянула в щелку — во дворе никого не было, только две курицы у самой стенки задумчиво прохаживались, поклевывая травку. Стало скучно, и она приступила к изучению чулана. Первым делом открыла сундук — и вдруг обнаружила в нем кожаный альбом и какие-то странные вещи: военную шапку с кисточкой, большой кусок отшлифованного дерева, суженный к одному концу, с ремешками на другом, и толстую узловатую палку.

Надев на голову потрепанную шапку, Лелька с любопытством стала перелистывать страницы альбома. На каждой была наклеена фотография — странные машины с крыльями. Аэропланы! Те самые, о которых рассказывал дядя Миша. Рядом с аэропланами стояли люди, которые летали в них — летчики, авиаторы... Под фотографией аэроплана Лелька прочитала: «Ньюпор-IV», Гатчинский аэродром, 1912 год».

В чулан заглянула Ольга Федоровна, удивленная тем, что «своебышная», как она прозвала Лельку, сидит смирно и не просится оттуда. Увидев вещи, вынутые из сундука, и Лельку в сползшей на глаза шапке, она всплеснула руками:

— Ну что ты натворила — все разбросала! Уже и в чулан нельзя посадить!

— Бабушка, а откуда вы это взяли? Чьи это вещи?

— Дед с войны принес.

— Мой дедушка?

— Да не твой, а дед твоего деда, поняла? Значит, твой прапрадед.

— А разве так бывает? — удивилась Лелька.— Пра-пра...

— Помню я его, деда,— продолжала задумчиво Ольга Федоровна.— В сражениях

бывал — французов тогда били. Ногу ему ядром оторвало. Вот и вернулся домой с этой, деревянной...

Ольга Федоровна взяла в руки отшлифованную деревянную ногу с ремешками и тяжело вздохнула. Лелька тоже осторожно потрогала рукой гладкое дерево.

— Долго шел, полтора года... Вот на эту клюку опирался. И шапка его солдатская цела...

На пароходе Лелька видела однажды безногого солдата с костылем, и теперь живо представила себе, как по пыльной дороге идет одинокий старик, хромяя и опираясь на клюку. Шинель расстегнута, седая борода, длинная-предлинная, развеивается по ветру... Прапрадед.

— Храбрый был он человек. В Бородинской битве отмечен.

Лелька протянула альбом с фотографиями.

— А эти картинки?

— Это сын мой Ваня, дядя твой, привез, когда на побывку приезжал. Очень хотелось ему по воздуху летать... Убили его на войне. Пять лет прошло... А вот альбом остался.

— А можно, я возьму? — осмелела Лелька, видя, что бабка не сердится и говорит с ней, как со взрослой. — Да зачем тебе? Ну вот что — ты отсюда выходи! — заговорила вдруг сердито Ольга Федоровна.— Это тебе не игрушки, а вещи памятные, дорогие! Клади все на место!

— А я уходить не хочу... Можно, я еще тут посижу?

— Выходи, тебе говорят!

Надувшись, Лелька медленно сложила в сундук вещи и вышла, но через минуту снова стала упрашивать:

— Бабушка, ну пожалуйста, запри меня в чулан!

— Нечего тебе там делать. Посидела — и хватит!

— Ну запри просто так, а то я опять прыгну с сарая...

— Вот своебышная, отпетая! Ну иди в чулан, только сиди там тихо, ничего не трогай, не ломай!

— Я буду тихо-тихо! — обрадовалась Лелька, которой не терпелось досмотреть альбом.

Когда в деревню приехал дядя Миша, Лелька заставила его рассказать о самолетах и авиаторах все, что он знал. От него услышала она о знаменитом военном летчике капитане Нестерове, который геройски погиб, таранив в воздухе вражеский самолет. Особенно поразило ее то, что среди первых русских летчиков были и женщины.

— И я буду? — сказала Лелька полувопросительно, так, будто это уже решено.

Дядя Миша рассмеялся, но, видя, что девочка не шутит, взглянул на нее серьезно и ответил:

— Подрости сначала. Может быть, и полетаешь...

Время от времени дед Ермолай ездил в Уржум на базар, покупал там пилы, топоры, веревки, лыко. Иногда брал с собой и Лельку — для нее это был праздник.

До города было недалеко, восемь километров, и ехали на телеге. Возвращался дед навеселе, пел песни, а то и похрапывал в телеге. Отобрав у него вожжи, Лелька правила сама.

— Гей! Поехала! — кричала она лошади. — Нно-о!

В деревню она въезжала с шумом и гиком, вся раскрасневшись. Телега с грохотом мчалась по улице...

Однажды Лелька провинилась, и дед не взял ее в город. Зато вернулся он с подарком — привез из лесу медвежонка. Нашел его одного, совсем маленького, у речки в кустах.

— Лелька, это тебе!

— Ой, деда, какой хорошенький!

Лелька не отходила от медвежонка, кормила его, клала с собой спать, и он привык к ней, ходил за ней хвостиком. Подрос, стал проказничать, грыз деревянные лавки и столы, крашенные в красный цвет, все царапал, опрокидывал, ломал.

— Господи, и что это за лихо такое! Привез ты его, аспид, на мою голову! — ругала деда бабка.— Ему бы в лесу жить! Деться от него некуда — все разорит в доме!

Ольга Федоровна на Мишку покрикивала, отовсюду гнала, он сердился, бросал в нее щепки, замахивался лапой.

Рос Мишка быстро и вырос в здоровенного медведя. Очень привязался к Лельке — ходили они вместе, в обнимку. Однако время шло, и проказы его становились все более ощутимыми, даже опасными.

Настала весна, Мишка заволновался, стал реветь страшным голосом, пугая всех вокруг. Стали жаловаться соседи. Пришлось запереть его в сарай, отчего он рассердился и заревел еще сильнее, никого к себе не допуская, кроме деда и Лельки, которые кормили его.

От этого рева перестала доиться перепуганная корова. Ольга Федоровна донимала деда, все заставляла отдать зверя кому-нибудь или отвести обратно в лес. Соседи советовали:

— Убейте его: и мяса много и шкура. Или продайте кому — все польза будет...

Но Лелька никак не хотела расставаться с Мишкой, не оставляла одного ни на минуту, чтобы его не увели. Наконец ее уговорили, и она, поплакав, согласилась:

— Отведем его в лес — там ему лучше будет. Он же — лесной зверь! Правда, дедушка? Там он на воле...

В лес Мишку отвели вместе — дед и Лелька. Сняли с него веревку, немного постояли, прежде чем уйти. Мишка ничего не подозревал. Ему было любопытно, он стал принюхиваться к новым запахам, облапил сосну, походил среди деревьев, знакомясь с непривычной обстановкой, и так увлекся, что, казалось, забыл обо всем на свете. Даже о Лельке забыл... Когда дед и Лелька стали уходить, он и не взглянул в их сторону.

Грустно было возвращаться домой, и весь обратный путь Лелька молчала.

Прошло больше недели. Однажды вечером кто-то стал постукивать в ворота, царапать их, будто пытаясь открыть. Растворил дед ворота, а там стоит медведь.

— Мишенька вернулся! — бросилась ему на шею Лелька.— Он не хочет жить в лесу! Он с нами хочет!

Дед попытался сразу же засадить медведя в сарай, но не тут-то было: голодный Мишка не дался, пошел по двору, все обшарил, все потрогал. Оголтело закудахтали разбежавшиеся куры, надрывно замычала корова. Ольга Федоровна выскочила во двор, закричала:

— Ну, окаянный, вернулся! Чтоб тебе ни дна ни покрышки!

В ответ Мишка зарычал и, как прежде, бросил в нее щепки. Не обнаружив ничего съестного во дворе, он направился прямо в избу. Только Лельке удалось обуздать расходившегося зверя и отвести в сарай, где она его накормила до отвала.

Несколько дней Лелька не покидала своего друга. Но пришло время расставаться —

дед Ермолай накинул Мишке на шею веревку покрепче, и снова они повели его в лес. На этот раз решили отвести зверя подальше, за реку, откуда он уже не сможет вернуться.

— Пойдем, Мишенька,— сказала Лелька.— Лучше останься в лесу, а то тебя мужики убьют.

И Мишка замотал большой своей головой, будто все понимал.

У переправы все разбежались, увидев медведя. На паром со зверем не пустили. Пришлось деду нанимать лодку у мужика, да и тот соглашался неохотно: медведь есть медведь — и поцарапать, и сломать может. Наконец за большую цену сторговались.

В шаткую лодку Мишка лезть никак не хотел — еле втащили. Лелька все старалась успокоить его, гладила, уговаривала, но, перепуганный, он метался в лодке, раскачивая ее, и в конце концов накренил так, что она опрокинулась — все втроем вывалились в воду... Бултыхаясь, Мишка угодил деду лапой по голове — и дед вдруг скрылся под водой. Испугавшись, Лелька бросила веревку, которую все время держала, и нырнула за дедом, но, к счастью, глубина здесь была по пояс, и вскоре дед сам появился из воды, отдуваясь.

— Тьфу, зверюга проклятая! — выругался дед, стирая рукой кровь со лба. — Ну стой!

— Он, дедушка, не нарочно! — закричала Лелька. Вылезли на берег, отвели Мишку в густой лес и там оставили, а сами хотели уйти незаметно, как в прошлый раз. Но Мишка был начеку: только они сделали несколько шагов — и он следом за ними. Они бежать — и он бежит не отставая. Сначала Лельке весело было смотреть на это, а потом стало до слез жаль бедного Мишку.

— ' Деда, возьмем его... Видишь, он с нами хочет!

— ' Нет, хватит! — сердито ответил дед, потрогав голову.

Наконец сели в лодку и отплыли. А Мишка остался одиноко стоять на берегу, покачивая головой и не понимая, почему его бросили.

Дома Лелька горько плакала.

На несколько дней приехала Мария Павловна, соскучившаяся по дочери. Лелька страшно ей обрадовалась — мать приезжала редко. Но в то же время она как-то сразу почувствовала, что здесь, среди простых трудовых людей, которые живут обычной деревенской жизнью, мать ее — лишняя. Действительно, Мария Павловна, сколько ни пыталась еще раньше, никак не могла вникнуть в эту жизнь, однообразную и скучную, и не в состоянии была понять, как можно бесконечно, изо дня в день заниматься мелкими хозяйственными делами, которые, как ей казалось, притупляют ум, глушат прекрасные порывы души... Деревня для нее была связана только с природой.

Целый день она вместе с Лелькой ходила по саду, по окрестным лугам, с восторгом вдыхала чистый полевой воздух и никак не могла надышаться, сообщая об этом каждому.

— Мам, ты оставайся, а я на сенокос! — уже на второй день сказала ей Лелька, которая не могла усидеть дома в такое время.— Там меня ждут, понимаешь!

— Хорошо, Лелечка, отправляйся и не беспокойся обо мне. Я найду себе дело.

Травы косили артелью, под палящими лучами солнца, обливаясь потом. В самый разгар косьбы на поле неожиданно появилась Мария Павловна. В длинном белом платье, с высокой прической, тоненькая, как девочка, она шла в туфлях по густой траве, спотыкаясь и размахивая зонтиком. Увидев мать, Лелька побежала ей навстречу. Ма-

рия Павловна остановилась и, широко разведя руки, словно хотела обнять весь мир, начала восторженно декламировать:

...В небе тают облака, и, лучистая на зное, в искрах катится река,
словно зеркало стальное...

Час от часу жар сильнее, тень ушла к немым дубровам, и с белеющих полей веет запахом медовым...

Лелька знала, что мать когда-то мечтала стать артисткой, что и теперь она с успехом выступает в спектаклях на самодеятельной сцене, но сейчас, в эту минуту, ей совсем не хотелось, чтобы мама была похожа на артистку.

— Мам, не надо,— попросила она, оглянувшись на косцов, которые смотрели в их сторону, прервав работу.

— Лелечка, девочка моя, посмотри, какая прелесть вокруг! Чудная река, луга заливные и эти загорелые косцы — все так живописно!

Подошла Ольга Федоровна в белом платочке, стала поспешно и суетливо предлагать:

— — Вы сюда вот, Мария Павловна, в тенечек идите. Тут и посидеть можно на травке... Дайте руку...

Стараясь увести Марию Павловну в сторону, подальше от любопытных и снисходительных взглядов, она приговаривала:

— Здесь не так жарко — тень, травка. Посидите спокойненько. А то печет сегодня...

Но Мария Павловна продолжала возбужденно:

— Как все благоухает — удивительный воздух! Не выдержав, Лелька тихо сказала:

— Мам, ты уходи отсюда. Зачем ты пришла?

— Но почему, Леля? Почему? Здесь как в сказке...

— Идем!.. — чуть не плача, потребовала Лелька, потянув мать за руку.

— Да, да, пойдем, Лелечка, — покорно согласилась Мария Павловна и вздохнула.

— Я понимаю: люди работают... Ты не сердись... Но ведь и я тоже...

Не договорив, Мария Павловна внезапно остановилась и внимательно, словно изучая, посмотрела дочери прямо в глаза. При этом на ее лице блуждала странная улыбка, печальная и горькая. От этого пристального взгляда Лельке стало не по себе.

— Что, мама? — спросила она еле слышно.

— Ничего, детка...

И Лельке стало до слез жаль свою маму, у которой редко выпадала свободная минута. Ведь и она трудилась без устали. А сейчас ей хорошо тут, на природе...

— Мам!

— Да, да... Я ухожу, Лелечка.

— Нет! Не уходи! Я с тобой побуду.

Мария Павловна светло улыбнулась и молча прижала дочь к себе.

Когда Лельке пришло время поступать в школу, Мария Павловна забрала ее к себе в Вятку, где уже начала работать на новом месте. Незадолго до этого Николай Ермолаевич уехал в заграничную командировку: его как специалиста по льну направили на службу в Лондон в советское торгпредство. Лелька начала ходить в школу имени Красина, одну из лучших городских школ, возникшую на базе дореволюционного коммерческого училища, по тому времени наиболее передового в России. В этой школе опытные преподаватели вводили новые методы обучения.

Учащихся воспитывали всесторонне, развивали у них самостоятельность, инициативу, умение мыслить и анализировать. Большое значение придавалось труду, работе в мастерских, столярных и слесарных, и на школьном сельскохозяйственном участке, в так называемом филиале школы, расположенном в семи километрах от школы. Кроме того, дети совершали всевозможные экскурсии, выезды на заводы, фабрики, в деревню, в музеи крупных городов.

Училась Лелька с удовольствием, схватывала все на лету, но была непоседлива, рвалась из-под учительского надзора на простор, на пристань, на реку, где можно поплавать, побродить.

Мария Павловна, работавшая учительницей, целыми днями была занята в своей школе, и Лелька сама распоряжалась свободным временем. Однажды накануне майского праздника Мария Павловна предложила:

— Завтра днем мы, учителя, поедem пароходом на прогулку. Я тебя с собой возьму, хочешь?

На следующий день Лелька, аккуратно причесанная, нарядная, в светлом платье и белых носочках, чинно стояла на палубе рядом с мамой, которая с гордостью представляла ее своим коллегам:

— Это моя дочь Леля. Она учится в школе имени Красина. В третьем классе.

Лелька вежливо улыбалась маминым друзьям, но с ними ей было скучно. В это время пароход, медленно плывший по реке, поравнялся с расположенным на берегу загородным школьным участком, и Лелька увидела своих товарищей. Не долго думая, стала раздеваться.

— Мам, я туда! Можно?

Мария Павловна машинально кивнула — она ничего не запрещала дочери. Сбросив нарядное платье, туфли и носочки, к ужасу всех учителей Лелька прямо с парохода прыгнула в воду и поплыла к берегу. Пароход уходил дальше, а Лелька осталась одна на середине реки.

— Как же вы отпустили ее? — спрашивали все Марию Павловну. — Это так опасно! Здесь очень глубоко! А как она вернется? Вы не боитесь?

Мария Павловна удивленно смотрела на них.

— Почему? Она самостоятельная девочка. Я нисколько не боюсь. Вернется. Есть захочет — вернется.

Она говорила правду — ей и в голову не приходило беспокоиться о Лельке.

Каждое лето, когда наступали каникулы, Лелька отправлялась пароходом в деревню к деду. Мария Павловна смело отпускала с ней и младшую, Ирину.

Бойкая и любознательная Лелька чувствовала себя всюду дома — и в деревне, и в городе. В Дюково для нее было полное раздолье — то целыми днями с ватагой ребят она пропадала на речке, то вместе со взрослыми косила травы на заливных лугах. На сенокосе очень заботилась, чтобы не разрушить укрытые в траве птичьи гнезда: тщательно просматривала все поле, отыскивая гнезда и обозначая их палочками с привязанным лоскутком материи.

— Деда, тут не коси! И дальше еще два гнезда — обойди их! И там, где палка! — распоряжалась Лелька и бежала предупредить остальных.

Умела она и косить, и жать, и корову доить, и на лошади верхом ездить. Деревенские ребята любили смелую девочку, которая не боялась постоять за справедливость, взять чужую вину на себя, защищая слабых. Увидела как-то Лелька, что мужик на дороге зверски бьет старую лошадь, которая, надрываясь, тащила в гору

телегу с бревнами. Вступившись за лошадь, Лелька сама же и пострадала: топтавший-ся возле лошади мужик, не обращавший на Лельку никакого внимания, до крови отдал ей сапогом босую ногу. Досталось ей и дома.

— И что только из тебя выйдет! Ну чисто отпетая! — возмущалась Ольга Федоровна. — И нужно тебе в чужие дела вмешиваться? Он мужик, а ты — от горшка два вершка! Чего указываешь?

— А зачем он лошадь так бил! Ей больно! Она не виновата...

— Не виновата... Скорей беги отсюда, а то дед в сарай запрет!

В доме у бабки бывали странницы, которых она кормила. Отсюда они шли к паромной переправе и дальше — к монастырю. Наслушавшись их рассказов, Лелька решила убежать в монастырь. Что это такое, Лелька толком не понимала, но по словам странниц, такие чудеса там творились и такая была божья благодать, что увидеть все это собственными глазами было очень интересно. Тем более, что монастырь находился не так уж далеко от деревни: перебраться на другой берег Вятки, дойти до горы, перевалить ее, пройти еще немного по полю — а там и рукой подать... Отправляться в путь одной не хотелось, и Лелька уговорила двоюродную сестру Лизу, жившую в доме рядом, быть ее спутницей. Лиза, которая была на год старше Лельки, согласилась, хотя и побаивалась родителей.

Девочки собрали два узла, где, по их мнению, было все необходимое для путешествия: хлеб, кусок сала, лепешки, теплые платки, валенки, куклы...

— Мы не навсегда уйдем? — допытывалась Лиза. — Мне маму жалко...

Нет, мы вернемся, — заверила Лелька. — Через год.

Узлы спрятали под старой черемухой в саду, сверху присыпав листьями — все держалось в строгой тайне.

— Смотри, не проговорись, — предупредила Лелька сестру. — А то не пустят. Ночуй сегодня у меня.

Проснувшись рано утром, увидели, что на дворе сильный дождь. Лиза обрадовалась, но Лелька не передумала. Вскоре дождь прошел, и обе незаметно выскользнули в сад. Намокшие узлы трудно было поднять, тем не менее девочки взвалили их на плечи и потащились в путь.

Дома хватились их не сразу, и только спустя некоторое время, когда Лелька и Лиза уже карабкались на мокрую и скользкую от дождя гору, девочек догнали и вернули: соседи сказали Ольге Федоровне, что видели их с узлами у паромной переправы.

Лелька ходила надутая:

— Там интересно... Посмотреть, что ли, нельзя!

Кончилось лето, Лелька с Иринкой уехали пароходом в Вятку — пора было в школу. Лелька стала ходить в пятый класс.

Уже несколько лет дружила Лелька со своей одноклассницей Надей Гаркуновой, девочкой серьезной и рассудительной. На уроках сидели они рядом, вместе приходили в школу — Надя, хотя и жила в другом конце города, каждое утро заходила за Лелькой. Обычно дорога в школу оказывалась долгой — Лелька, которой хотелось всюду успеть, тащила подругу к речке, на пристань, на рынок, а та благоразумно останавливала увлекающуюся Лельку. Когда они наконец добирались до школы, оказывалось, что урок уже начался.

— Опять Ямщикова опаздываешь! И Гаркунова стала недисциплинированной! Учительница литературы подождала, пока подруги усядутся за стол. Покраснев,

Лелька спросила, чтобы хоть как-нибудь оправдаться:

— А разве сегодня первый урок литература?

— Теперь проведем тест,— продолжала урок учительница.— Ответьте письменно всего на один вопрос: «Кем ты хочешь стать?» И объясните, почему.

Лелька недовольно заерзала на месте. Посмотрела в тетрадку Нади, которая аккуратным почерком излагала свою мечту стать врачом, заглянула, что пишет Павка, сидевший слева. Тот поспешно закрыл написанное локтем, но она успела прочитать: «машинистом».

Что же написать? Давно уже Лелька задумала стать летчиком, еще с тех пор, как нашла альбом в чулане... Но разве можно об этом писать — вот так, открыто, для всех! Нет, этого Лельке не хотелось. Да и засмеют всем классом, не поверят, подумают, что врет...

Задумавшись, Лелька смотрела в окно и грызла кончик ручки. Дома у нее хранились вырезки из газет со снимками самолетов, с сообщениями о дальних полетах летчиков Громова, Моисеева. Дядя Миша, единственный человек, которому Лелька сказала о своей мечте, принес ей несколько старых журналов «Самолет», и теперь она знала всю историю авиации. Знала и то, что в 1911 году, когда ее и на свете еще не было, в Гатчинской авиашколе, под Петербургом, научились летать три русские женщины. Первой получила диплом пилота Лидия Зверева, дочь русского генерала. Она стала инструктором в Рижской авиашколе, но спустя несколько лет умерла от тифа. Почти одновременно с ней окончила Гатчинскую авиашколу артистка Любовь Галанчикова. Через год она уехала с авиаконструктором Фоккером в Германию, там продолжала летать на его самолете и даже установила рекорд высоты. Третьей была княгиня Шаховская, которая при обучении потерпела аварию и скоро оставила полеты...

Это были первые русские летчицы. А совсем недавно Лелька вырезала из газеты «Красная Звезда» за 1925 год заметку о Зинаиде Кокориной, первой женщине-военлете, с портретом летчицы. Кокорина в буденовке со звездой, приятное лицо, смотрит серьезно... Всю статью Лелька выучила наизусть, и особенно запомнились заключительные слова: «...В день своего Международного дня работницы и крестьянки нашего Союза должны твердо уяснить себе, что Кокорина только первая, но не последняя. Кокорина доказала, что женщина может быть летчиком»...

Вспомнив все это, Лелька в который раз уже подумала, что если Зинаида Кокорина смогла окончить военное летное училище, стать инструктором, учить других, то разве не сможет то же самое она, Лелька? Но как написать об этом? Нет, никому, даже Наде, не скажет она.

В классе стояла тишина, все усердно писали. Слышно было, как вдруг зашумели деревья и капли дождя застучали в окно.

Заметив, что Лелька все еще не решается начать, Надя толкнула ее локтем.

— Почему не пишешь? Я написала — врачом. А ты? Лельке пришла в голову забавная мысль, и она рассмеялась:

— А я — Тарзаном!

— Но это же так, для смеха. А если правду?

— Все равно — Тарзаном! — заупрямилась Лелька. Зачем всем нужно знать, кем она хочет быть? И вообще, разве так уж важно — кем? Куда важнее другое — каким вырастет человек, какие черты характера воспитает в себе. Так не раз говорила ей мама, и правильно говорила. Но ведь нужно что-то написать, иначе учительница поставит двойку... А чем плох Тарзан? Вполне подходит в данном случае: сильный,

смелый, добрый... Просмотрев ответы, учительница высмеяла Лельку.

— Ольга, неужели ты не нашла лучшего примера для подражания? Тарзан! Легкомысленно и пошло! Я от тебя не ожидала.

Из чувства противоречия Лелька стала возражать:

— А что в нем плохого? Из Тарзана может получиться кто угодно! Он и врачом будет хорошим, и машинистом... И даже учителем!

Ребята хихикнули. Учительница побледнела, лицо ее сделалось каменным. Не глядя на Лельку, она с достоинством переложила на столе кипу тетрадей с одного места на другое, резко встала.

— Посмотрим, что за Тарзан из тебя выйдет. Пока что ты регулярно опаздываешь на занятия. С этого дня Лельку прозвали Тарзаном.

Из класса в класс Лелька переходила с хорошими отметками, хотя особенного рвения к учебе у нее не было. Больше других предметов любила физику, математику и литературу. Вместе с Надей, записавшись во все библиотеки города, перечитала русских и западных классиков и множество приключенческих книг. В школе было много кружков, которые вели учителя-энтузиасты. С удовольствием Лелька посещала драматический кружок, где ей поручили роль Гекльбери Финна в спектакле «Том Сойер». Щеголяя в дырявых штанах и помятой кепке набекрень, Лелька ловко сплевывала сквозь зубы и отвечала Наде, которая заходила к ней, чтобы идти домой:

— Вряд ли, Надя... Мы с Томом ночью отправимся на кладбище.

— Слушай, Тарзан, брось шутки! Я серьезно!

— Я же сказал: мы всю ночь просидим на кладбище! И вообще, я сегодня не Тарзан, а Гек!

— Пожав плечами, Надя обиженно отходила и в сторонке ждала, когда Лельке надоеет новая роль и она снова превратится в Тарзана.

Все увлекало Лельку и радовало. Высокая, худая, нескладная в свои двенадцать лет, с большими золотисто-зелеными глазами и тонкими бровями, изогнутыми волной, она удивленно, радостно и доверчиво смотрела на мир, ожидая от жизни чего-то необыкновенного.

— Любила Лелька петь. В школьном хоре запевала высоким чистым голосом:

Есть на Волге утес. Диким мохом оброс он с вершины до самого края..

На кожевенном заводе, где выступал хор, Лельку много раз вызывали на «бис». Раскрасневшись, довольная, она выходила на середину сцены и кланялась... И уж, конечно, она была непременной участницей всех физкультурных соревнований. Ей ничего не стоило пройти двадцать километров на лыжах, она побеждала в плавании, в беге на коньках, в стрельбе из винтовки. Когда Лельку выбрали председателем совета отряда, она энергично принялась за дело — водила своих пионеров на кожевенный завод, где ребята помогали выполнять подсобные работы, развернула массовый сбор металлолома, возглавила лыжный агитпоход в ближайшие деревни. Ее отряд собрал так много металлолома, что об этом писала областная газета.

В эти годы Лелька жила с мамой, которая по-прежнему работала учительницей в младших классах. Мария Павловна была постоянно занята: школа, комиссия по борьбе с детской беспризорностью, народный театр, где она успешно играла на сцене, — все это поглощало массу времени. Лельке приходилось самой хозяйничать дома. Самостоятельная и энергичная, она все успевала.

По соседству со школой находился рынок, где всегда шла бойкая торговля, а рядом с ним — собор, круглый в основании, обнесенный чугунной оградой. Неподалеку текла река Вятка. Здесь Лелька часто бродила, заходила в пустующий собор, из которого тянулся подземный ход прямо к реке.

Однажды по пути в школу она решила заглянуть в собор и увидела у двери двух оборванных, грязных мальчишек и девочку лет шести с тоненькими ножками в огромных мужских ботинках. Лелька подошла поближе и поинтересовалась:

— Вы откуда, ребята?

Мальчишки моментально нырнули в собор, а девочка, кутаясь в старый клетчатый платок, опустила голову, поглядывая исподлобья на Лельку. На бледном личике— большие испуганные глаза, ноги в ботинках голые. А было еще холодно, ранняя весна, кое-где лежал снег.

— Чья ты, девочка? — ласково спросила Лелька.

Девочка отвернулась, но не ушла. Лелька присела возле нее на корточки, заглянула в лицо.

— Ну, скажи мне — чья ты?

— Ничья,— тихо ответила девочка.

— А где ты живешь? Здесь, в соборе?

Не ответив, девочка попятилась и юркнула в полуоткрытую дверь. Лелька сразу догадалась, что в соборе — беспризорники. От мамы она не раз слышала, что тысячи несчастных детей, оставшиеся после гражданской войны без родителей, сейчас голодают, мерзнут и умирают от болезней. Этих детей подбирают, помещают в детские приемники, а потом в колонии, кормят, одевают и дают им возможность учиться.

Войдя в собор следом за девочкой, Лелька остановилась.

На полу сидели, лежали дети в лохмотьях, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Были среди них и маленькие, лет пяти.

— Тебе чего тут? — грубо спросил один из мальчишек, которого Лелька уже видела. — Выкатывайся!

Не обращая внимания на его грубый тон, Лелька подошла к маленьким, нагнулась, погладила белобрысую девочку по спутанным волосам, опустилась на колени.

— Вы тут живете? Холодно же... И пол каменный. А что вы едите?

— Гришка приносит, — буркнул мальчишка уже не так грубо.

— И Васька тоже! — добавил другой.

Вскоре появились два подростка старше остальных — им было лет по четырнадцать-пятнадцать. Стали вынимать еду из карманов, из-за пазухи. Дети голодными глазами следили, как они кладут на газету хлеб, яйца, рыбу. Лелька стала спрашивать их, интересоваться их жизнью, но отвечали они нехотя или молчали.

Гриша, который был здесь главным, накормил сначала малышей, потом остальных. Ели все жадно, спеша скорее проглотить.

— Мы тут временно. Скоро уйдем. Как только потеплеет.

— А куда?

Внимательно посмотрев на Лельку, которая явно сочувствовала беспризорникам и жалела их, Гриша, однако, не стал вдаваться в подробности. Спокойный, неразговорчивый, с умными карими глазами, он был симпатичен Лельке. Она завела разговор о том, что им будет лучше, если они придут на приемный пункт, но Васька, бойкий веснушчатый парень с коротким вздернутым носом, прервал ее:

— Знаем — устроят облаву, как на зверей! Переловят — и в лагерь на замок!

— Ну почему же, — стала объяснять Лелька — Совсем не так...

— А тебя что, легавые подслали, да?

— Кто это? Я сама пришла, никто меня не посылал.

— Смотри! Если скажешь... — Васька погрозил ей кулаком и выругался.

Гриша молча посмотрел на него, Васька сразу притих и сказал извиняющимся голосом:

— А я ничего... Просто, чтоб знала...

Лелька просидела в соборе до вечера, потом сбегала домой за одеялами. Мамы в это время дома не было, и она, схватив одеяла и никому ничего не сказав, возвратилась в собор. Спать легла вместе с малышами, прямо на каменный пол.

Три дня провела она с беспризорниками, ухаживая за малышами, среди которых были больные. Беседовала со старшими, уговаривая их не уходить, подружилась со многими. Беспризорники, хотя и питали к Лельке доверие, все же упорно стояли на своем, боясь оказаться в руках властей.

Когда Лелька явилась домой, вся грязная, обовшивевшая, мама ахнула:

— Где же ты была, Лелька? Я уже не знала, что делать, где искать тебя! Что случилось?

И Лелька рассказала маме о соборе, о беспризорниках.

— Господи! Бедные дети! Им нужно помочь — ведь они пропадут! — забеспокоилась мама. — Неужели не хотят?

— Нет, мама, не хотят,— уныло ответила Лелька.

— Придется тогда организовать облаву.

— Ой, не надо! Они боятся облавы!

— А как же быть, Леля? Их необходимо спасти...

— Я еще попробую — может, уговорю,— нерешительно сказала Лелька, чувствуя, что вряд ли ей это удастся.

— Ох, Лелька! — вздохнула мама.

Все же облаву решили устроить, хотя Лелька была против. Назначили день. Лелька понимала, что это необходимо, что в колонии детям будет лучше, но не могла совладать с собой, чувствуя себя предательницей по отношению к Грише, к беспризорникам — ведь она пообещала молчать и не выдавать их. Не выдержав, побежала в собор и предупредила Гришу о готовящейся облаве.

Когда пришли за беспризорниками, в соборе было пусто — все куда-то ушли, даже больных забрали с собой. О подземном же ходе никто не знал, а Лелька не стала сообщать.

— Боже мой! — сокрушалась Мария Павловна, сидя за тетрадками, которые она каждый вечер проверяла.— Ну почему они убегают? Я не сплю по ночам, все думаю, думаю... Тиф, холод... Ужасно! Время идет, а они не учатся... Ведь им сразу — и еду, и чистое белье. А они не хотят, убегают...

Директор школы вызвал Лельку к себе, стал осторожно расспрашивать о беспризорниках, советуясь с ней, пытаясь узнать, где они теперь находятся.

— Ведь ты, наверное, знаешь. Что же ты — хочешь им зла? Ну сама подумай!

— Нет...

— Тогда скажи — это для их же пользы. Неужели тебе не ясно?

Мягкий, доброжелательный человек, он говорил с ней доверительно, и чувствовалось, что он действительно глубоко обеспокоен судьбой беспризорных. Лельке стало стыдно: и мама, и директор, и все кругом хотят спасти бедных детей, а она...

Правда, в глубине души Лелька верила, что Гриша и сам поймет, ведь он не глупее и ничем не хуже других, даже наоборот...

— Они ушли к реке через подземный ход, — твердо сказала она.

Директор помолчал, внимательно глядя на Лельку, и спокойно произнес:

— Вот и хорошо. Значит, ты понимаешь, как нам важно знать.

Но детей у реки уже не оказалось.

Прошло несколько дней. Внезапно ударили морозы, беспризорникам некуда было деваться, и Гриша сам привел замерзших малышей на сборный пункт. Лелька была счастлива, сознавая, что в этом и ее заслуга. Оставив маленьких, он ушел, чтобы уговорить и привести детей постарше, которые все еще сопротивлялись.

Некоторое время спустя, когда школьники собрались на первомайскую демонстрацию и перед зданием школы уже выстроилась праздничная колонна с алыми флагами, кто-то крикнул:

— Смотрите, кто к нам явился! Эй, Тарзан, это твои знакомые?

Группа беспризорников, чумазых, в лохмотьях, стояла в сторонке, неподалеку от школы. Они жались друг к другу, переступая с ноги на ногу, смущенно и в то же время с независимым видом посматривая на ребят, одетых по-праздничному, в красных галстуках. Гриша уже шел к школе.

Лелька подбежала к нему.

— Гриша, вот здорово, что вы пришли! Вы пойдете с нами на демонстрацию! Обязательно пойдете!

Однако некоторые учителя пришли в замешательство — как же можно таким обрванцам идти в одной колонне со школьниками в этот торжественный день... Чуть не плача, Лелька бросилась к директору:

— Иван Григорьевич! Пусть они с нами идут! А как же иначе? Они же обидятся! Понимаете — обидятся!

— Ты совершенно права, — поддержал директор Лельку. — Приглашайте детей в строй! И беспризорники смешались с пионерами в праздничной колонне.

Лелька заканчивала шестой класс. Стояла теплая погода, по-летнему грело солнце. Приближались школьные каникулы.

На переменах школьники высыпали во двор побегать, поиграть, размяться. Можно было сбежать на рынок, на речку, даже домой — большая перемена длилась двадцать пять минут.

Обычно во время большой перемены Лелька вместе с гурьбой одноклассников носилась сломя голову по школе, по двору — играли в «сыщики и разбойники». Как правило, Лелька была «разбойником», и догнать ее не мог ни один «сыщик». Но однажды «сыщики», разделившись на две группы, применили хитрую тактику и окружили «разбойников» в школьном зале. Деваться было некуда, и, чтобы не сдаться врагу, Лелька в пылу игры прыгнула в открытое окно.

— Тарзан со второго этажа прыгнула! — закричали ребята. — Тарзан выпрыгнула!

Прекратив игру, «сыщики» и «разбойники» столпились у окна.

— Ой, она разбилась! Бежим скорее вниз!

От боли в ногах Лелька потеряла сознание. Очнувшись, сначала почувствовала прикосновение чьих-то теплых рук, а потом увидела девочку, которая склонилась над ней.

Ловко и умело, как это делают врачи, девочка ощупывала Лельку.

Шевельнув ногой, Лелька застонала, и девочка быстро спросила:

— Здесь болит?

— Да...

— Растяжение сустава, — сразу определила девочка.

Лелька попыталась встать, но не смогла и заплакала. Вытирая ей слезы, девочка стала гладить ее по голове, как маленькую.

— Не плачь. Это ты — Тарзан?

— Я, — шмыгнув носом, ответила Лелька. — Меня так прозвали.

— Думаешь, если ты Тарзан, значит можно со второго этажа прыгать?

Собрались ребята. Девочка уверенным голосом давала указания, распоряжалась как хозяйка. Кто-то уже побежал за школьной подводой.

— Потерпи немножко, Тарзан.

Лелька покорно кивнула: эту незнакомую девочку нельзя было послушаться. Лельке она сразу понравилась, с первого взгляда, и теперь ей хотелось задержать ее как можно дольше.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Рая Беляева. Приехала поступать в кожевенный техникум.

Лелька быстро сообразила: значит, Рая теперь не потеряется, потому что кожевенный техникум открылся в их же школе.

— А откуда приехала? Издалека?

— Нет, — ответила Рая и ласково сощурила глаза.

— Хорошо, — облегченно вздохнула Лелька и стала рассматривать Раю.

Невысокая, крепкая и удивительно ладная была она. Черные косы, тугие, блестящие, скользили по плечам, по спине — Рая была постоянно в движении. Лицо смуглое, улыбочивые губы, а глаза сияющие, огромные, светло-серые.

— Вот и едут за тобой, — сказала Рая. — Сейчас мы тебя поднимем. Держись крепче за меня — обними за шею!

Подъехала телега, и Лельку усадили на нее. Рая отряхнулась, подняла с земли свой чемоданчик и, взглянув на Лельку, улыбнулась:

— Прощай, Тарзан!

Лелька заволновалась — ей не хотелось расставаться с Раей.

— Нет... Знаешь, поедem со мной, а то мне дома влетит, — придумала она быстро, чтобы удержать девочку еще на некоторое время.

— Ну что ж, поедem!

Рая бросила чемоданчик на телегу и села рядом с Лелькой. Дома никого не было. Заботливо уложив Лельку и перевязав ей больную ногу, Рая коротко рассказала о себе. Была она из Зуевки Вятской области, выросла в семье железнодорожника. Там, в Зуевке, остались ее родители, две сестры и четыре брата.

С Лелькой Рая обращалась по-матерински, как старшая, да она и была старше ее на два года. Расспросив Лельку о школе, о городе, ушла. Потом Лелька часто встречала Раю в школе, с чемоданчиком в руке, спешащую на занятия. Они дружески улыбались друг другу и, обменявшись приветствиями, расходились каждая в свою сторону. И ни одна из них не подозревала, что судьбы их в будущем тесно переплетутся.

На летние каникулы Лелька, как обычно, уехала к деду в Дюково. Встретив Лельку, Ольга Федоровна обрадовалась и удивилась:

— Ой, как ты за год вымахала, Ольга! И собой уж хороша стала — бровки у тебя как писанные, нету таких других!

— Да ну, бабушка, — отмахнулась Лелька, — придумаешь!

— А чо — наша она! — поддержал дед Ермолай бабу.

На улице деревенские девки обступили Лельку, наперебой рассказывали новости, расспрашивали о городской жизни. Соседская Вера, отведя ее в сторону, поспешила сообщить вполголоса, как заговорщик:

— Ой, Лелька, а у нас тут гулянки какие! Чо там говорить! А гармонист — слов не сыщешь описать! Приходи!

Бабка сшила Лельке розовый сарафан. В нем румяная русоволосая Лелька с ясными зелеными глазами была самой красивой девушкой на гулянке, и парни сразу заметили ее. Гармонь разливалась трелями, нарядный гармонист в новой фуражке все поглядывал на Лельку, стараясь изо всех сил. Девки пели вятские частушки, изоцряясь, чтобы перещеголять одна другую. И Лелька, увлекаясь все больше, чувствуя себя как рыба в воде, тоже выскакивала в круг и бойко звонким чистым голосом пела:

Девки — шьто, да парни — шьто. шьто вы шьтокаете, шьто?
Да это шьто, да и пошьто — и пошьтокаем— дак шьто!

Потом все вместе ходили по берегу речки, играли в догонялки, и кудрявый Петька-гармонист бегал за Лелькой и никак не мог ее догнать. А когда она замешкалась, утащил у нее платок.

— Ну, Лелька, не иначе как влюбился в тебя! — говорили радостно и с оттенком зависти девки.

— Чего?

— Уж, поверь, что видать — не скроешь! Глазеет только на тебя, платки таскает...

Лелька только посмеивалась — черноглазый гармонист с темными кудрями, зачесанными прямо на фуражку, ей нравился, но никакого такого значения она этому не придавала.

А Петька-гармонист был сыном хозяина лавки. Жили они богато, и парень считался завидным женихом. Иногда Лельке приходилось покупать кое-что в лавке — дед посылал. Любознательная Лелька задерживалась, расспрашивала хозяина о товарах, о ценах. Хозяину нравилась смышленная девчонка, которая умела быстро сосчитать выручку, была расторопной и веселой. К тому же он заметил, что сын его Петька, отпущенный лодырь и гуляка, при ней преображался, становился деятельным, деловым. Отпуская товары, улыбался покупателям, был с ними вежлив и обходителен.

— Заходи почаще, — приглашал хозяин, угощая Лельку дешевыми конфетами. — Не стесняйся.

Лелька не отказывалась, охотно ела конфеты, насмешливо поглядывая на Петьку.

— Вот такую бы девку в помощницы! — намекал хозяин сыну, когда она уходила. — И торговля шибче бы пошла...

В дедовском доме жила Лелькина тетка со своей семьей — их дом был на ремонте. Ее дочь, светленькая голубоглазая Еня, была на выданьи. То и дело к ней сватались женихи, но гордая и разборчивая девушка не спешила и всем отказывала.

— Ох, навыбираешься, Енька! — сердился дед. — В девках останешься! Ну чем не женихи?

— Не нравятся они мне, — капризно говорила Еня. — Успею еще. Ездят всякие.

Каждый раз, когда к дому подъезжали на лошадях, дед шел открывать ворота, и вскоре Еньке кричали:

— Енька, наряжайся!

Девушка надевала лучшее платье, причесывалась и ждала, когда ее позовут в гор-

ницу. Пока шел разговор со сватами, любопытная Лелька наблюдала в дверную щелку и сообщала:

— Жених сидит весь красный, Енька... Все смотрит на свои сапоги — глаз не поднимает. А чуб у него рыжий! Как огонь!

— Да это Васька Цепочкинский! — презрительно бросала Енька. — Не пойду за него!

Однажды к дому подкатила шестерка лошадей.

— Ох, и жених богатый! — воскликнула тетка, выглядывая в окно. — Ну, Енька, смотри — не пропусти!

Дед, прежде чем открыть ворота, крикнул:

— Енька, готовься!

Но скоро поступила новая команда.

— Енька не надо! Лелька, наряжайся! — крикнул дед в окно.

От неожиданности у Лельки дух перехватило: к ней приехали!

— А Енька? — спросила она, не веря.

Быстро вошла Ольга Федоровна, растерянно глянула на Лельку.

— Тебе велят... Господи, спятил, старый! Куда ж такое дите...

Стрелой Лелька побежала наряжаться. Вмиг оделась и вышла в розовом сарафане, сияющая и гордая, не зная еще толком, хочет ли она замуж и кто жених. Все это казалось ей увлекательной игрой, и она совсем не думала о том, что будет впереди.

Женихом оказался Петька-гармонист, сын лавочника. Богатому хозяину нужна была грамотная девка торговать в лавке, и он пообещал деду Ермолаю:

— Покрою тесом всю ободворицу, если отдашь девку!

Ободворица была и впрямь никудышная, вся обветшала, поломалась, и теперь дед был в восторге: жених богатый — где еще такого найдешь? На шести лошадях прикатили! И ободворица будет новая!

Но свадьба быстро расстроилась. Приехал дядя Миша и со свойственной ему горячностью напустился на отца:

— Ты, батя, в уме ли? Ей учиться — девчонка способная, а ты ее замуж! Да и за кого? Кулаки они! Нэпманы проклятые!

— Ишь, кулаки! Вон гляди — кругом все рушится! А они при деньгах! Да что я — уже и не хозяин тут?

— Что ты, батя! Подумай — отец у нее в торгпредстве в Лондоне, мать передовая женщина, бестужевка! А ты ее — за кулака?

— Все вы передовые! Семь человек растил — разбежались... А ободворица ломится!..

Дядя Миша, махнув рукой, набросился на Лельку:

— Ну а ты — замуж захотела? Что, любишь его? А как это — любишь? Что в нем хорошего?

Лелька, надувшись, молчала. Ей и в голову не приходили такие мысли, но то, что дядя Миша на нее кричал, ей не понравилось, и она выпалила, не придумав ничего другого:

— А он на гармошке хорошо играет!

— Ну и дуреха! На гармошке! Ты же пионерка! — кипятился дядя Миша. — Подумать только!

Опустив голову, Лелька теребила свой сарафан.

— Сними этот дурацкий наряд! Собирайся — поедем в Уржум! Нагулялась тут,

совсем сдурела!

Лелька не возражала: игра кончилась.

Остальную часть лета Лелька провела в Уржуме у тетки Александры Ермолаевны, где она бывала и раньше. Здесь, в Уржуме, жил и Лелькин дядя, старший брат отца, Сергей Ермолаевич, работавший бухгалтером на заводе. В свое время мальчиком он учился вместе с Кировым, тогда Сережей Костриковым, и дружил с ним. Дом Костриковых находился на той же улице, где жили Лелькины родственники, и она несколько раз заходила к ним вместе с дядей. Теперь Сергея Мироновича Кирова, известного революционера и народного трибуна, знала вся страна, и Лелька гордилась, что знакома с ним.

В Уржум к Лельке ненадолго приехала мама, которая, узнав от дяди Миши о том, что дед Ермолай собирался выдать Лельку замуж, пришла в ужас:

— Это же страшное легкомыслие! Тебе — замуж! Как ты могла, Лелька?

— Не знаю... Просто интересно было.

В седьмом классе Лелька особенно много читала, по-прежнему собирала любые сведения о летчиках, самолетах, обо всем, что касалось авиации. Мария Павловна, перегруженная общественными делами и своей основной, школьной работой, находила время, чтобы поговорить с Лелькой о будущем, о новой жизни, которую открыла народу революция. Всей душой она хотела воспитать в дочери честность, доброту к людям и отвращение к мещанству.

Лелька росла крепкой, здоровой, была общительной и доброжелательной. Ее любили за бесстрашие и принципиальность— она не боялась постоять за правду и справедливость, даже если это грозило ей большими неприятностями. Никаких сомнений она не знала и твердо верила, что при большом желании в жизни можно всегда добиться того, к чему стремишься.

Лельке было четырнадцать лет, когда она кончила семилетку. В это время Мария Павловна жила в Ленинграде, куда она уехала, чтобы продолжить свое образование в Педагогическом институте имени Герцена. Из Ленинграда Мария Павловна написала Лельке, что ждет ее с Иринкой к себе, и распорядилась, как поступить с вещами.

Лелька занялась хозяйственными делами: часть мебели продала, рассчитавшись с хозяйкой, у которой снимали комнату, а остальное — стол, стулья, буфет — отослала багажом в Ленинград. Ей помогли товарищи: всем классом на школьной подводе перевозили вещи на вокзал.

В Ленинграде Лельку и Иринку встретила мама.

— Ты у меня совсем взрослая и самостоятельная, — похвалила Мария Павловна дочь. — Справилась не хуже меня. А может быть, даже лучше...

Школа, в которую определила Лельку мама, находилась в Соляном переулке напротив здания Художественного училища прикладного искусства, недалеко от Невы и Летнего сада, куда бегали на переменах школьники. Была она знаменита тем, что в ней когда-то учился Писарев. В то время, в конце двадцатых годов, школьные учебные программы все время менялись, и Лелька застала переходный период, когда неизвестно было, на сколько лет рассчитана учеба и будет ли школа восьмилетней или девятилетней. Успеваемость определялась только двумя оценками — удовлетворительно и неудовлетворительно, а учились бригадным методом, и каждый в бригаде сдавал зачеты по определенному предмету: один по физике, другой по математике, третий по истории... Лелька, которая почему-то не любила химию, нашла это удобным и старалась сдавать зачеты по тем предметам, которые ей нравились.

Она быстро вошла в жизнь школы и приобрела себе новых друзей. Вскоре Лельку приняли в комсомол и поручили ей организовать школьный кооператив. Вместе со своей помощницей Ниной Кругловой Лелька на выданные ей деньги закупала необходимые для школьников товары: учебники, тетради, карандаши, перья, булочки на завтрак... Все это пачками и мешками они тащили по утрам в школу и на переменах продавали. Торговля шла бойко, товары быстро раскупались, и девочки отправлялись за новыми. Лелька вела строгий учет, подсчитывая каждую копейку.

Однажды собралось школьное комсомольское бюро, где распределялись путевки в пионерлагерь. Присутствовала на нем и Лелька, которую ввели в бюро. Детям бедных семей путевки давали бесплатно, однако подавших заявление оказалось больше, чем отпущенных школе путевок.

— Придется отобрать наиболее нуждающихся, — сказала завуч.

— А как же остальные — не поедут? — забеспокоилась Лелька.

— Нехорошо получается, — поддержал ее секретарь бюро. — Трудно выяснить, кто больше нуждается.

Наступило молчание. Чтобы окончательно решить вопрос, завуч сухо заключила:

— Ничего не поделаешь. Бесплатных путевок больше нет и не дают — все уже распределены по школам — я узнавала.

— А платные можно? Мы ведь можем купить! — сказала Лелька.

— Но откуда же взять деньги?

— Есть деньги, есть! — воскликнула Лелька. — Мы наторговали много денег — хватит на путевки всем!

— Как... наторговали? — спросила упавшим голосом завуч. — Каким образом?

— Очень просто: мы же продавали товары!

— Но, надеюсь, не спекулировали?

Все еще ничего не подозревая, довольная тем, что деньги на путевки нашлись и теперь все нуждающиеся поедут, Лелька объяснила:

— Мы продавали товары по их цене и сверх того брали по копейке за штуку: за тетрадку, за книжку, за булку...

— Зачем? — ледяным голосом спросила завуч. Чувствуя, что сделала какую-то глупость, Лелька тихо возразила:

— А как же еще торговать? У нас все записано... Вот теперь можно купить путевки!

— Ямщикова, вы знаете, что такое советская торговля? Какое право вы имели повышать установленные цены?

Лелька виновато молчала. Ей и в голову не приходило, что выручка от торговли, полученная для общественных нужд, это плохо.

Завуча потом вызывали в райком для объяснений, а Лельку освободили от торгового дела.

— Ах, Лелька, Лелька! Где же ты так научилась? Не у жениха ли своего из Дюково, у которого была лавка? — посмеивалась над ней мама.

Когда в школе задумали создать военный музей, Лельке предложили участвовать в его оформлении. Выбрав себе авиационный отдел, она горячо взялась за дело. Вскоре появились первые экспонаты: вместе с ребятами Лелька притащила со свалки авиационный мотор времен гражданской войны, несколько пропеллеров. Привела в надлежащий вид. Сама составила краткую историю советской авиации, развесила снимки самолетов, портреты летчиков.

Музей приходили смотреть представители из райкома комсомола, Лельку похвали-

ли.

В это время девятый съезд комсомола, на котором выступал нарком Ворошилов, призвал молодежь идти в авиацию, овладевать авиационной техникой. Стране нужны были летчики, авиатехники. Комсомол взял шефство над Военно-Воздушным Флотом Рабоче-Крестьянской Красной Армии, и теперь при каждом райкоме комсомола для молодежи создавались военно-учебные пункты, откуда комсомольцев направляли в летные школы Осоавиахима, на курсы авиамотористов.

Смольнинский райком одним из первых организовал курсы авиамотористов, куда записывались молодые рабочие фабрик и заводов, студенты, учащиеся техникумов, школ. Узнав о курсах, Лелька тоже захотела туда попасть, но ее не взяли. Ребята в школе смеялись.

— Ямщикова в авиацию хочет! Может, и на луну полетишь?

Но Лелька не собиралась сдаваться и пошла в райком комсомола, где ее знали и встретили приветливо.

— А, Ямщикова! На курсы, значит, хочешь? Понимаешь, туда одних парней набрали, потом они пойдут служить в армию. А с тобой как?

— А я буду работать, куда пошлют! Я буду учиться не хуже их!

— Это, конечно, так. Что ж, придется для тебя одной сделать исключение — такой авиационный стенд сделала, что отказать просто невозможно.

И Лельку приняли на курсы. Это было весной 1930 года, когда ей еще не исполнилось шестнадцати....